

5) Языковые проблемы и др.

6) Территориальные претензии.

Субъективные причины:

1) Национальные проблемы.

2) Последствия культа личности И. В. Сталина.

3) Бытовой, уровень национализма.

4) Духовные предпосылки.

Анализируя духовное начало позднего советского общества, необходимо отметить, что социальная жизнь раскололась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил.

Таким образом глобализация – многогранный процесс с далеко идущими последствиями для жизни всех людей, налагающий ограничения и открывающий возможности для индивидуального и коллективного действия. Пространственная организация социальных отношений глубоко трансформирована, поскольку становятся более растяжимыми и интенсивнее взаимосвязанными. Создаются трансконтинентальные и трансрегиональные потоки и сети действий, обменов и властных отношений с серьезными последствиями для процессов принятия решений. Новые образцы иерархии и неравенства, включения и исключения пересекают национальные границы. Возникают новые проблемы социальной интеграции, глобального управления и демократической подотчетности, поскольку суверенная власть национальных государств эродирована, а их роль в мировой политике меняется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология, № 4, 2007

2. Социс, №9, 1999

ДИЛЕММЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Д.Д. Эйдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Вильнюс, Литва

Третья волна демократии и проблема «отката»

В период с 1974 по 1990 г. по меньшей мере 30 стран осуществили переход к демократии, почти удвоив число демократических режимов в мире. Текущий этап демократических транзитов называют третьей волной демократизации в истории современного общества. Первая «длинная» волна демократизации началась в 1820-х с расширением избирательного права в США и завершилась в 1926 г., приведя к жизни 29 демократий. Однако в 1922 г. приход к власти в Италии Муссолини ознаменовал начало первого «отката», который в 1942 г. сократил число демократий в мире до 12. Победа союзников во Второй мировой войне запусти-

ла вторую волну демократизации, когда к 1962 г. в мире насчитывалось 36 демократических государств. Затем последовал второй откат (1960-1975), в результате которого число демократий уменьшилось до 30 [1, с. 12].

В связи с этим возникает вопрос: последует ли после завершения третьей волны демократии значительный третий откат, способный уничтожить многие демократические достижения? Трудно достоверно ответить на этот вопрос. Тем не менее, можно определить ряд факторов, которые могут повлиять на будущее распространение либо ограничение демократии в мире. Можно также обозначить вопросы, которые кажутся наиболее важными для будущего демократизации.

Избегая эмпирики, ответы на эти вопросы необходимо давать, фокусируя проблему не на самом процессе глобальной демократизации как таковой, а на странах постсоветского пространства. На этом пространстве мы ограничимся четырьмя факторами:

1. Эффективность демократических институтов и потенциал гражданского общества;
2. Недостаточная укорененность демократических ценностей среди основных групп элиты, а также широкой общественности;
3. Существование социального вопроса и как следствие этого социальная и политическая поляризация общества;
4. Неожиданные и еще недостаточно опознанные стороны демократии;
5. Унификация и стандартизация процессов демократизации.

Эффективность демократических институтов и потенциал гражданского общества

На вопрос что делать, чтобы демократические институты действовали эффективно, чтобы власть исполняла волю граждан, а не стремилась к выгоде от государства и не прикрывалась «плохими законами», теория политики предъясняет два варианта ответа. Первый – действенность демократии зависит от должных институционных границ. Соответственно, действия политиков и управленцев зависит от качества их ограничивающих и обязывающих законов. Второй – действенность демократии зависит от общества, т. е. от ценностей, норм и организованности [2, с. 28-30].

Практика политической жизни постсоветского пространства во многом демонстрирует слабость действий демократических институтов. Эту слабость определяет, во-первых, «скопированные с Запада законы». Юридические принципы «не выкристаллизовываются из собственных начал взаимодействия общества и культуры, а перенимаются готовыми, как протезы», но и их, говоря словами литовского философа Арунаса Свердиоласа [3, с. 45], нет на что «нацепить», потому что нет каркаса – позвоночника и ребер. Такое неестественное конституционное устройство просто не в силах формировать и ограничивать поведение политиков и управленцев и неспособно оказывать качественное влияние на процессы политической жизни.

Кроме собственной социальной практики еще необходимо общество, которое само было бы способно создавать демократическое государство. Речь идет о гражданском обществе, которое сумело бы контролировать власть и желало бы действовать во имя общего блага, и не отдавала всех функций государству. Потенциал такого общества существует, но не обходимо помочь ему развиваться. А для этого нужно распознать живучие ростки гражданского общества.

Недостаточная укорененность демократических ценностей среди основных групп элиты, а также широкой общественности

Демократизация – внутренне противоречивый процесс, в ходе которого демократия либо привнесется в социум, который может быть к ней не готов, либо становится самоцелью, разрушающей либеральный конституционализм гражданского общества. В обоих случаях речь идет о недостаточной укорененности демократических ценностей в обществе.

В Литве общепризнанно, что существует большой отрыв между гражданами и государством. Это одна из самых актуальных проблем на пути демократизации. Жители разочарованы политической властью и политическим сообществом. Общественное недоверие к власти в его разнообразных проявлениях является необходимой составляющей демократического процесса. В то же время без политической поддержки демократизация невозможна. Здесь можно обнаружить определенный парадокс: две стороны общества, а точнее их разрыв «они-власть» и «мы-граждане» в Литве не способствует, как часто бывает процессам демократизации; а на оборот, мешает им.

Социологические опросы, проведенные в Литве в последнее время, демонстрируют спад патриотизма. С одной стороны, это можно объяснить как следствие смены поколений, с другой – как разочарование в деятельности властных институций, поведением политиков, их коррумпированностью, недобросовестностью, некомпетентностью и укorenившимся отчуждением в обществе. Кроме этого, литовскому обществу характерен низкий уровень социального доверия, толерантности и солидарности [4, с. 220, 226]. Социально отчужденное общество неспособно контролировать власть и объединиться для общественных действий, направленных для удовлетворения общих интересов. Следствие этого – зависимость от властей. В целом это все является помехой для формирования ценностных основ демократической гражданственности.

Немаловажным представляется способность граждан к восприятию и использованию демократических ценностей для улучшения своей жизни. Положительное отношение к демократии зависит от исторических особенностей каждой страны, выражающихся в политической культуре, религии, национальных традициях. В странах, где граждане не воспринимают демократические ценности в качестве основополагающих в своей жизни, вряд ли можно рассчитывать на формирование демократического политического режима. Власть становится демократической лишь при условии ее подконтрольности. Если же общество не предпринимает никаких шагов для создания такой системы, то государственная власть будет игнорировать демократические процедуры.

Существование социального вопроса и как следствие этого, социальная и политическая поляризация общества

Сегодня также вопрос минимизации социального неравенства в его политических проявлениях вышел на авансцену общественно-политической жизни многих стран мира. Но в странах «молодой демократии» обнаружилось неравенства, во многом свойственны только им. Их не знают страны «старой демократии». Это – неравенство в политике, политическая бедность, проблема «новых бедных», «культура неравенства», «избыточное» неравенство [5, с. 125-130].

Она имеет свое существование во времени и не является случайным или временным явлением. О «культуре неравенства» можно говорить уже как о сложившейся определенной традиции и даже как о составной части общей культуры общества. Она имеет социально-политические корни и, проникая в политическое пространство, разрушает солидарность; культивирует в обществе атмосферу, которая подрывает устои социальной справедливости и общего блага; разрушает нравственные основы общественного единения. Таким образом, высокий уровень неравенства подрывает социальный капитал общества, то есть общественный ресурс взаимного доверия и взаимопомощи, который поддерживает в социуме солидарные связи. На этом фоне усиливаются тенденции к корпоративизации гражданства, которую можно считать одним из проявлений «культуры неравенства», разрушающую фундамент гражданского единения общества по той простой причине, что она атомизирует гражданскую солидарность, растаскивая ее. Для современной элиты

Литвы характерно бежать от общества и закрыться в узком кругу. Социально ущемленные слои и группы, испытывающие тяготы и лишения, не проявляют рвения к объединению с теми преуспевающими олигархическими группами.

Ужасает тот факт, что существует опасность стать «культурой неравенства» обязательной составной частью общей культуры общества. Во-первых, нищета в Литве уже стала наследственным объектом, передающимся из поколения в поколение, а, говоря словами директора Департамента статистики А. Шеметы, «в Литве унаследование нищеты является частым явлением» [6, с. 2]. Более того, появились «новые бедные». Это не бомжи и не представители низкой квалификации. К ним могут быть причислены учителя, врачи, преподаватели, а также граждане, не сумевшие стать преуспевающими. Поглощенные повседневными заботами о своем выживании, они лишены времени и возможности полноценно участвовать в гражданской деятельности и не могут добиться их включения в политическую повестку дня. Исключение такой большой части сильного интеллекта из поля политики, гражданского общества во многом объясняет и причины бедности самой политики, и причины бедности политической элиты, и указывает на еще не задействованную потенциальную силу гражданского общества.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для Литвы актуальна проблема «социального гражданства», требующая такой публичной политики, которая тесно увязывала проблемы свободы и равенства. Тем более, что ценности демократии и социального благополучия общества органически связаны. Иными словами, «социальное гражданство» должно обеспечить прочное приобщение граждан к демократическому государству, реализующему справедливую социальную политику, не допускающую противостояния граждан в результате неконтролируемого роста социального неравенства [7]. Но для этого необходимы амортизаторы социальной политической бедности, которые в Литве отсутствуют, поскольку гражданское общество слабо развито. Рост «политической бедности» приводит к тому, что функция принятия политических решений выводит из-под контроля общества и концентрируется в узком кругу правящей элиты. В результате кризис демократии углубляется.

В ситуации политического неравенства человек теряет реальную возможность воплотить интересы своего бытия, поскольку их воплощение находится в прямой зависимости с объемом личного капитала, который и становится настоящей реальностью свободы [5, 169-174]. Люди не видят возможности воплотить интересы своего бытия – кризис «молодой демократии» усиливает еще и синдром отсутствия необходимой гражданской сплоченности. Об этом свидетельствует и опросы жителей Литвы, которые считают гражданские инициативы «скучным и пустым занятием» [4, с. 35] (45 проц. респондентов).

Необходимо отметить, что неравенство в политике, как в других сферах общественной жизни, в полной мере неустранимо, так как его истоки, в конечном счете, восходят к естественным различиям природных задатков и способностей людей. Рыночная экономика представляет собой благоприятную среду для трансформации этих различий в социальное и политическое неравенство. Как отмечает Р. Даль, рынок «способствует проявлению неравенства» [8, с. 13].

В каких-то пределах, не подрывающих циркуляцию политической элиты, неравенство в политике даже играет позитивную роль, способствуя селекции и состоятельности субъектов политического процесса, выражающих плюрализм интересов и стремлений различных общественных слоев и групп. Однако существуют границы, за которой социальное неравенство наносит обществу ущерб, в том числе и в политическом пространстве. Речь идет об «избыточном неравенстве», обусловленном низкими доходами тех слоев

населения, которые не оказывают существенного влияния на макроэкономические изменения. Иными словами, «избыточное неравенство» — это часть общего неравенства, обусловленная бедностью. Как показал опрос по качеству жизни, произведенный в 28 Европейских странах, Литва занимает одно из пяти последних мест среди самых бедных государств Европы [9], где почти каждый третий взрослый человек не может свести концы с концами. Число людей, живущих ниже относительного уровня нищеты, постоянно растет. В 2005 г. ниже этого уровня (который составляет 363 лита в месяц) жили около 577 тысяч людей. На 25 тысяч больше чем в 2004 г. Социальная дифференциация между богатыми и нищими выросла в 8,4 раза [10, с. 10].

Неожиданные и еще недостаточно опознанные и изученные стороны демократии

Феномен демократии уже сегодня наполнен смыслом будущего. Потому, говоря словами американского политолога Джона Дьюна, «необходимо снова и снова изучать саму идею, сам смысл демократии. Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново... Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию» [11, с. 23].

Попытки прочесть новые знаки современной демократии делает американский политолог Фарид Закария. Он заявляет, что пришла пора признать, что прогресс свободы сегодня не тождественен успехам демократии. «Исторический опыт свидетельствует, что наиболее быстро и гармонично развалились те общества, в которых не попирались права граждан, но и не ограничивались возможности для реализации их способностей. Сегодня демократия не может обеспечить такой гармонии. Демократизация ведет к предпочтению известности — славе, богатства — справедливости, заискивания перед невежеством — поиску истины, пресмыкания перед посредственностью — возвышению над толпой. Лидеры все чаще прибегают к тому, чтобы не убеждать общество в своей правоте, а манипулировать им, проникаясь психологией большинства и незаметно для себя перенимая не только его способ мышления, но и меру его невежества» [12, с. 283].

Закария говорит о существовании нового феномена демократии. Режимы, «в которых перемешаны выборность и авторитаризм», он называет «нелиберальными демократиями» [Там же, с. 89]. Согласно подсчетам экспертов, на которых ссылается Закария, число таких нелиберальных демократий на протяжении последних пятнадцати лет выросло в несколько раз — с 22 процентов всех стран мира в 1990 г. до почти 50 процентов в конце десятилетия [Там же, с. 99]. Рассуждая о причинах становления нелиберальных демократий, американский политолог не пытается искать их в «культуре» того или иного народа, не ищет их и в авторитарных наклонностях отдельных правителей [Там же, с. 47-48]. Фундаментом нелиберальных демократий он считает структуру экономики соответствующих стран — как правило, основанную на сырьевом секторе. «Правительствам стран, располагающих изобилием ресурсами недр, богатство достается слишком легко... Они жируют... им не приходится решать куда более сложную задачу создания рамочного законодательства и институтов, способствующих процветанию всей нации» [Там же, с. 71]. Главные опасности, которые таит в себе нелиберальная демократия, состоят, с одной стороны, в том, что народ, видящий, как власти манипулируют его мнением, приходит к глубокому разочарованию в демократии как таковой [Там же, с. 284].

Унификация и стандартизация процессов демократизации

Эта проблема связана, во-первых, с демократизацией по образу западной либеральной демократии. Но наименее вероятной представляется в обозримом будущем

унификация и нивелирование форм этого процесса в различных цивилизационных ареалах. Оценка демократий на основе хрестоматийных моделей западной демократии является ошибочной, и речь следует вести о различных моделях демократии. Сегодня в странах «молодой демократии» понятия «либерализация» и «демократизация» произносятся как синонимы, не задумываясь, насколько обусловлена такая эквивалентность. Хотя на практике господствующей либеральной идеологии - свобода больше культивируется не в сторону расширения прав человека, сколько на рост потребностей капитала. Она ограничена экономической силой, т. е. размерами управляемого личного капитала. Таким образом, создается некоторое несоответствие между либерализмом декларируемых уже упомянутых принципов и идеологией свободы личности, которая ограничивается лишь провозглашением юридической, т. е. формальной свободы [13, с. 169-174]. Так что, сегодня уместно говорить не только о кризисе демократии, но и о кризисе идеологии. Френсис Фукуяма поспешил объявить о «завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [14].

С проблемой унификации и стандартизации процессов демократизации связано и политическое давление. Запада ускорить их «демократизацию». Результатом такого «ускорения» становится построение иллюзорной демократии, представляющей собою одну из наиболее опасных и порочных политических практик современности. Развитие демократии не должно, во-первых, предшествовать становлению основ гражданского общества и, во-вторых, подрывать этих основ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Huntington, Samuel P. „Democracy's Third Wave" in: Journal of Democracy, 1991, no 2.
2. Putnam, R. Kad demokratija veiktu: pilietinés tradicijos šiuolaikinėje Italijoje. (Iš anglų kalbos vertė J. Novagrockienė ir A. Ramonaitė). Vilnius: Margi raštai, 2001.
3. Sverdiolas A. Lėkštutė lėkštelė: keli dabartinės Lietuvos viešosios erdvės ypatumai. Vilnius: Versus aureus, 2006.
4. Žiliukaitė R., Ramonaitė A., Nevinskaitė L., Beresnevičiūtė V., Vinogradnaitė I. Neatrastagalija. Lietuvos pilietinės visuomenės žemėlapis, Vilnius: „Versus aureus“, 2006.
5. Читать подробнее: Д. Эйдукене. Старая новая проблема или вызовы и парадоксы нового времени / Nowoczesnosc. Spoleczenstwo obywatelskie w Europie Srodkowej i Wschodniej. Liublin: Wydawnictwo KUL. – 2007.
6. Skursta – per pusė milijono. In „15 min.“. Vilnius, 2006 gruodžio 12 d., antradienis.
7. См.: Democratic Equality: What Went Wrong? Ed. By E. Broadbent. Toronto, 2001.
8. R. Dahl. Toward Democracy. In: A journey. Vol. 1. Berkley, 1997.
9. По данным опроса людей, живущих в недостатке больше всех в Болгарии (58%), в Турции (47%), в Латвии (44%), в Румынии (40%), в Литве (34%). Доход в этих странах тоже самые низкие в Европе. См.: <http://www.eurofound. Eu.int/publications/files/EF04105EN.pdf>
10. N. Adomaitis. Gilėjanti praraja gresia politiniiais sukrėtimais. In „Verslo žinios“. Vilnius, 2006 04 25.
11. Цит. по: Э. Баталов. Глобальный кризис демократии? // «Свободная мысль – XXI». М., № 2.
12. Ф. Закария. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. Перевод с английского под редакцией В. Л. Иноземцева. - Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004.
13. Читать подробнее: Даля Эйдукене. Кризис современной демократии / Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. – Брест: издательство БрГУ. – 2006.
14. Ф. Фукуяма Конец истории? // <http://www.atredis.narod.ru/person/fukuyama.html>.